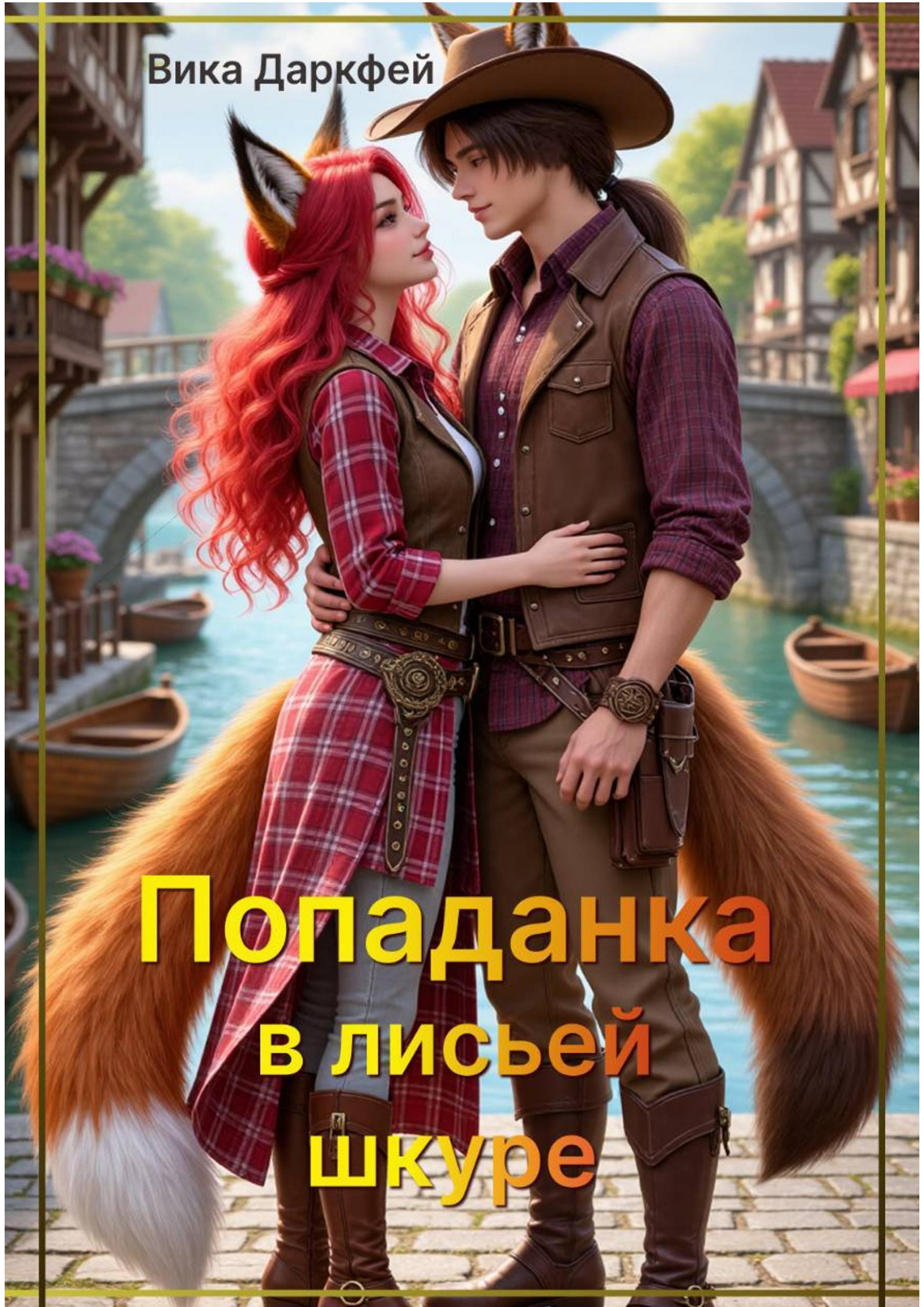

Вика Даркфей

**Попаданка
в лисьей
шкуре**

Виктория Даркфей
Попаданка в лисьей шкуре

«Автор»

2026

Даркфей В.

Попаданка в лисьей шкуре / В. Даркфей — «Автор», 2026

Шесть месяцев прошло с момента, как я очнулась в мире Двух берегов в теле лисы-переростка. За это время я смирилась с ушами и хвостом, успела на собственной шкуре узнать влияние лунных чар на лисью кровь и провести незабываемую ночь с первым встречным лисом, который на утро растворился, как туман. Нажила врагов среди самых влиятельных людей – ловчих, но так и не поняла причины, из-за которой здесь оказалась. И все бы так и продолжалось, если бы на пути не встретилось волшебное ходячее мини-дерево, которое отвело меня к тому самому незнакомцу...

© Даркфей В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виктория Даркфей

Попаданка в лисьей шкуре

Глава 1

Последнее, что я помнила из прошлой жизни — путешествие в Африку. Сбылась давняя мечта: увидеть саванну, слонов, насладиться местным колоритом и пойти в авторский тур по тайным тропам, в конце которого всех ждало чудо. Реклама на сайте туроператора так и обещала!

Не знаю насчет чуда, но смерть получилась на славу. И вовсе не от когтей льва или жестокости племени людоедов, мимо заброшенной деревушки которого мы проходили. А всего лишь от маленького орешка, который полагался участникам похода как редчайший местный деликатес.

Орешек оказался вкусный. А дальше — белая стена. Что там было? Аллергия? Яд? Сердечный приступ? Уже не так важно, потому что с момента, как я абсолютно голая очулась в лесу в этом мире, прошло почти шесть месяцев.

Ну как абсолютно голая Не совсем, конечно. Шерсть вполне себе прикрывала срамные места.

Как сейчас помню это адское удивление. Что? Шерсть, у меня? У которой никогда лишнего волоска не заводилось и все они были под лютым присмотром? Но правда оказалась такова, что я получилась не просто волосатая, а шерстяная.

Рыжая такая, местами лохматая, а местами очень лохматая. Помню, от удивления онемела и минут десять рассматривала свою когтистую пятерню с гладенькими, блестящими, словно смазанными маслом, волосками.

Волоски, то есть шерстинки, были красивые. Можно сказать, ухоженные, какие-то вылизанные, что ли. Очень даже занятное зрелище, если не придавать значения тому факту, что смотришь на свою конечность.

Поэтому, потеряв дар речи, я разглядывала пальцы, потом руки, ноги, живот, хвост

Да, хвост у меня тоже был! Великолепный, если опять-таки не заострять внимания, что торчит он из твоей собственной задницы! Рыжий такой, пушиистый! Любая рыжая плутовка из леса обзавидовалась бы! Лисий прям хвост, даже хвостике — им получилось обмотаться вокруг бедер и еще осталось! Я ведь тоже размером была не с юркую лисичку.

Нет, размеры у меня остались вполне человеческие, да и ходить было удобнее на двух ногах. Хотя, признаюсь, в порыве отчаяния я разок попыталась передвигаться на четырех «лапах». Хорошо, что этого позора никто не видел.

И хорошо, что те минуты слабости давно миновали. Я поняла, что окончательно зверем становиться не собираюсь, существо я вполне прямоходящее и очень похожее на человека за исключением некоторых деталей.

Все остальное тело было обычное — женское, если не считать хвоста, шерсти и еще огромных ушей, торчащих на макушке, а не там, где положено у нормального человека. К слову, через пару дней волоски по телу поредели и почти исчезли, в густом виде оставшись только на хвосте и ушах. И как я ни ждала, оттуда волосатость никуда не делась.

А уши были звериные, треугольные и с кисточками, торчали над головой сантиметров на десять. Периодически они жили собственной жизнью, вздрагивали и вертелись, самостоятельно реагируя на посторонние звуки. Это были какие-то локаторы, а не уши.

И торчали они себе из рыжей копны волос вполне гармонично. И даже красиво.

Кстати, рыжая копна была со мной и в той жизни, это я помнила совершенно точно. Как и то, что звали меня Алиса.

А в этой жизни я скрывалась от людей. Довольно быстро поняла, что любви мне их не сыскать. И поначалу даже их не винила. Сама бы не обрадовалась, если бы из леса вышла непонятная зверюга и заговорила человеческим голосом.

Но потом, когда меня одолевали голод и холод сырых и промозглых лесных ночей, когда я была совсем одна, отвергнутая и гонимая всеми, это понимание сменилось злостью. Люди меня чурались, а помогать никто не торопился, вместо еды снабжая порцией речных гольшей, да отборной руганью, среди которой бестия и нелюдь звучали еще культурно. Я ведь ничего плохого им не сделала, так зачем сразу браться за вилы и бросаться камнями?

Вскоре совесть моя замолкла, а вернее, издохла, погребенная обстоятельствами. Мне хотелось есть, мне была нужна одежда. Да, у меня росла шерсть. Но не везде и местами ее, считай, не было. Этот мех не мог спасти в дождь и холод, и первые две ночи от холодной смерти меня спасали только хвост и волосы!

А потом терпение мое кончилось, и я вышла на охоту за шмотками. Охотилась я, понятное дело, ночью, а разжиться удалось лишь сомнительно пахнущими мужскими штанами и драной кожаной курткой.

Но как же я им была рада! Почти с нежностью я внюхивалась в это застоявшееся амбре, отстирать которое пытались, но безуспешно. Так я и смогла похитить свой первый наряд — с бельевой веревки.

Когда удалось прикрыться, я стала увереннее. Теперь мне не нужно было дожидаться глубокой ночи, чтобы показать кончик носа из леса. Капюшон куртки скрывал уши, в штанах нашлось место для хвоста. Я обнаглела настолько, что смогла срезать кошелек с монетами у зазевавшегося пьянчуги на выходе из таверны. И помогли в этом деле мои несравненно острые когти.

И любовно подбрасывая кошель на обратном пути в логово, я любовалась ими — крепкими, гладкими, острыми и немного загнутыми коготками. Если не приглядываться, они походили на обычные дамские ногти, но вот встречи с ними было лучше избегать.

В тот вечер я впервые нормально поела. В кошеле оказалось несколько серебряных монет и пара десятков — медных. Этого с лихвой хватило на жареную курицу и буханку свежего хлеба. Запивала я пир водой из ручья, потому что так торопилась в лес, что, кроме еды, больше ничего не купила.

После я обокрала еще несколько выпивох, обзавелась нормальной одеждой, припасами и некоторым пониманием мира, в котором оказалась. И это понимание подсказывало мне, что пора уходить с насиженного места. Захудалый поселок, около которого я очнулась волей судьбы или местных богов, был весьма невелик, и на седьмой день проделок на меня стали недобро так коситься его жители вопреки всей моей маскировке и другим предосторожностям.

Ушла оттуда я ночью, ничуть не жалея облюбованной полянки в лесу на берегу ручья. С тех пор надолго не останавливалась нигде, меняла стоянки, узнавала этот мир получше и искала ответ на единственный вопрос: как вернуть все обратно?

Мне нравилось в этом мире, что в нем не наступала осень. Погода стояла всегда примерно одинаковая: утром и вечером было прохладно, днем припекало солнце, а ночью немудрено было замерзнуть. Здесь почти не случалось жары и изнуряющей духоты, которых я никогда не

любила. Наоборот, здесь было свежо и дышалось легко. Еще иногда шли дожди, но они быстро кончались, оставляя после себя влажные ароматы леса даже в городе.

Городков стояло немало на берегу Великой реки. Река так и называлась местными, а мне все было интересно, кончится ли когда-нибудь этот берег с городами, с одной стороны подпираемыми рекой, а с другой — густым старым лесом? Но за полгода никаких признаков этого я не заметила, зато устала бродяжничать, и, выбрав город побольше, остановилась в нем. Назывался он Долгий лог.

К этому времени я выработала тактику, которая помогала оставаться достаточно неприметной среди городских жителей. Тактика заключалась в нескольких вещах. Во-первых, всегда носила глубоко надвинутый капюшон куртки или широкополую шляпу, чтобы прятать уши. На ладонях у меня красовались перчатки с обрезанными пальцами, куртка, штаны и высокие сапоги скрывали остальное. Хвост приходилось запихивать в штаны, из-за чего я не могла долго сидеть, а моя попа обретала небывалые размеры. Во-вторых, для ночлега я выбирала неприметные трактирчики на окраинах, а на глаза людям показывалась только в сумерках или в темноте. В-третьих, я вела себя, как привыкла — по-человечески, и рассчитывала, что этого хватит, чтобы сойти за свою и не выдать в себе существо чуждой расы, которую здесь недолюбливали и боялись.

С окраин всегда был виден лес, и он нещадно манил меня. Я связывала это со своей звериной сущностью, которой только подавай побегать по бесконечным лесным тропинкам, вволю надышаться лесными запахами и покувыркаться в опавшей листве. Но я боялась окунуться в эту лесную жизнь и окончательно потерять себя ту, что знала. Девушку Алису, человека без всех этих когтей, хвостов и ушей. Поэтому я цеплялась за мнимый трактирный комфорт, которому было очень далеко до того, что окружал меня в прошлой жизни.

Так, к исходу шестого месяца новой жизни в лисьей шкуре, я немного приспособилась к переменам, владела приличным запасом серебряных монет и осмелела настолько, что попивала эль, сидя в общем зале трактира за темным столиком в дальнем углу.

Вечер только начинался, я цедила эль и ждала приготовления любимых бараньих колбасок с тушеной капустой, когда ближний стол облюбовала подозрительная компания.

Состояла она из четырех бывалых людей. Вид у всех был лихой и потрепанный. Откровенно говоря, они походили на бандитов с большой дороги и связываться с ними стал бы только круглый идиот. Они сидели с уверенным видом, вели приглушенную беседу, явно не предназначенную для чужих ушей. Еще у них на поясах висели кобуры револьверов, замаскированные полами длинных курток так плохо, что складывалось впечатление, будто оружие не прятали вовсе, а наоборот, выставляли на обозрение.

Оружие в этом мире полусредневековых городков с двух- и трехэтажной застройкой было редкостью. Встречалось оно только у хранителей порядка и у различных элементов, этот порядок нарушающих. Вроде вот таких щербатых красавчиков в затертых шляпах и с прищуром, гоняющих из одного угла рта в другой соломинку или спичку.

Сначала я не собиралась их подслушивать. Инстинкт шептал держаться подальше от подобных типов. Что я им противопоставлю? Когти? Лисьью прыть? Смешно с когтями выходить против пистолетов.

Они тоже не обделили меня вниманием, по очереди скользнув взглядами. Но тут принесли колбаски с тушеной капустой, и я позабыла про подозрительную троицу. До тех пор, пока чуткое лисье ухо не уловило в разговоре бандюганов волшебное словосочетание:

— зелье-перевертыш слишком дорогая плата за такую услугу. Много чести.

В порыве эмоций один из лихих парней повысил голос, и мои уши-локаторы моментально прямо-таки зажали собственной жизнью. Они так делали иногда, чем ввергали меня в состояние легкой паники. Сидишь, сидишь себе, никого не трогаешь, и тут на голове начинают подпрыгивать и крутиться уши. А все дело в мышке, которой приспичило пробежать неподалеку.

Так же получилось и на этот раз, только причиной наостренных ушек стал не охотничий инстинкт, а слова, которые я уже слышала раньше: «зелье-перевертыш», оно же зелье обращения.

Выискивая жертву для ограбления, я не первый раз сидела общей зале трактира. Развязанные языки людей любили сболтнуть лишнее, поэтому я знала, что в лесах за пределами городов все еще в немалом количестве водятся другие лисы. Сама я, кроме одного случая, о котором боялась даже вспоминать, вблизи не видела ни одного.

Да, такие как я водились здесь еще, но с людьми они дружбы не водили, и по этой причине были на грани истребления. Зверолюди — вот как их называли, хотя сами себя они величали мурласами. На них устраивали облавы, пичкали зельем-перевертышем и отправляли работать на рудники. По рассказам, перевертыш превращал полужверей в людей. Так и получалось, что нелюдей в этом мире становилось все меньше и меньше.

Сама система мне, конечно, дико не нравилась!

Но мысль снова стать человеком не давала покоя. Поэтому я так обрадовалась, обнаружив за соседним столиком людей, связанных с зельем. Ведь до сих пор мне не удалось выйти на кого-то, кто не просто трепал языком в баре, а видел или держал в руках чудо-напиток. Оказалось, такие счастливицы — еще большая редкость, чем обладатели огнестрельного оружия.

И вот, удача! Совсем рядом целых четыре персонажа обсуждают вожаденное средство так, будто имеют с ним дело каждый день!

Я с упоением жевала колбаски, делая вид, что мне совершенно неинтересно, о чем речь за соседним столиком. Ушки на макушке тем временем исправно делали свое дело и слушали, а в голове начал складываться безумный план.

Потом я поняла, какой он был идиотский, но в тот момент ничто в намерении проследить за бродягами и выкрасть заветную склянку, не показалось мне странным. Я могла бы и подсесть к ним, попросив зелья. Но на рудники мне не хотелось.

Тогда я все и решила. И лишь много позже поняла, что угодила в хитро расставленную ловушку.

— Принесла? — гнусаво спросил тип, что развалился на стуле напротив в вальяжной позе.

Встреча проходила в старой сараюшке на окраине Долгого лога. Здесь воняло тиной и рыбьими потрохами, а комары летали толпами в поисках, кого бы ухватить за сытый бок и высосать никак не меньше полулитра крови.

Кроме этого гнусавого, которого, кстати, звали Филимон, в сарае толпились и трое его помощников. Их имен я не знала. Они были не больно-то разговорчивы, а плевков в свою сторону от них было получить проще, чем приветствие.

Вся четверка отличалась плохими манерами, занудством, была скоро на расправу и еще прилично пованивала. Нюх у меня, кстати, тоже изменился и стал более острым, чем в прежней жизни.

— Принесла, — нехотя ответила я, и вот тут-то мои ушки и застригли, словно у испуганной кобылы.

Ну не хотела я отдавать находку! Совсем, никак, ни за что! Отчего так, не знала.

С момента, как Филимон и компания застучали меня при попытке пробраться в их контору, прошла неделя. Тогда они знатно и издевательски повеселились. Мол, еще не встречалась им лиса, что сама за зельем пришла. Обычно все драпают и не хотят пить аж до дрожи в хвосте. Потому что от зелья этот самый хвост у них отваливался, нюх, когти и все остальные

признаки расы — тоже. Для меня такие подробности стали сюрпризом, но в тот момент я не смогла подумать над ними, слишком занятая собственной судьбой.

А после компания предложила уговор. Я им окажу несколько мелких услуг. Они после поделятся перевертышем. И так и быть, не отдадут меня на рудники. Мне оставалось только согласиться. В душе противной крысой скреблось чувство, что ждет меня явный подвох. Но делать было нечего.

Так, мы стали партнерами, а я с каждым днем сильнее уверялась, что все оказалось подстроено. Не зря мы тогда ужинали в одном трактире и за соседними столиками, ох не зря.

И теперь Филимон и компания лишь выдавали мне новые задания, ничего не давая взамен, и были при этом не очень-то вежливы. Скорее наоборот, и я подумывала о прекращении сотрудничества. Мутные это были парни, хоть и называли себя представителями закона. Ловчими.

Я только пока не придумала, как от них отделаться. Как лисе, которая боится уходить в лес, избавиться от ненужного внимания людей, чья специализация ловить таких, как я? В городах от них было прятаться бесполезно. Они уже нашли и вычислили меня в Долгом логе. Заманили в ловушку и использовали для поручений, справиться с которыми мог только представитель лисьего рода, мурлас. Поручения пока были незначительные, но я подозревала, что скоро меня попросят об основной услуге. Ради которой все и затевалось.

— Ну, давай, — Филимон похлопал рукой по обшарпанному столу, место которому было на помойке. Оттуда его, скорее всего, сюда и принесли.

Стол раньше явно служил в харчевне, чьи посетители любили ковырять его ножом. На столе стоял медный горшок с круглой крышкой и больше ничего.

Я нехотя полезла в карман и достала красивый оранжево-голубой шарик размером с перепелиное яйцо. Мне хотелось назвать его ядрышком или семенем. Пожалуй, так могло бы выглядеть ядро какого-нибудь невиданного ореха. Но на деле я не знала, что это.

Шарик был словно стеклянный, идеально круглый и до поры прозрачный. Твердый, но упругий. В глубине угадывался ажурный узор с завитками. Держать его в руках было приятно, он словно дарил тепло и красоту.

Больше всего хотелось взять и подышать на него, чтобы согреть дыханием. Но я заставила себя положить предмет на стол. Уговор есть уговор. К тому же во мне еще жила надежда получить у ловчих зелье обращения. Ведь Филимон и компания занимались именно тем, что обращали подобных мне в людей. Любого мурласа при встрече с ловчими ждала одна участь — зелье.

Где тут справедливость? Похоже, ее не существовало в мире Двух берегов.

Так же, видимо, показалось и моему шарiku. Оказавшись на столе, он померк, но все равно оставался прекрасным.

Филимон при виде вещицы ослабил и тут же сгреб немойтой лапищей.

— Надо же, — буркнул он и в знак особого удивления прицокнул языком.

Некоторое время он разглядывал мою находку, держа большим и указательным пальцами.

— Где раздобыла?

Одновременно с вопросом Филимон открыл крышку горшка и бросил шар туда. В ответ раздалось шипение, и возник такой короткий писк, что я подумала, уж не послышался ли он мне. Следом из горшка вырвалась струйка дыма, и по комнате распространился неприятный запах горелого, смешанный с чем-то химическим.

Весь процесс занял не более двух мгновений, а я наблюдала его с распахнутыми в тревоге глазами.

— У тебя там кислота, что ли? — нервно спросила я, дергая ушами и проигнорировав вопрос.

— Ага. Серная. Так, где ты его нашла? Еще сможешь принести?

Филимон глядел на меня нагло и исподлобья, явно наслаждаясь произведенным эффектом.

В голове роились вопросы. Что это за штука и зачем Фил так демонстративно ее уничтожил? Но вместо них я произнесла:

— В лесу. Он катился по дороге, будто сам собой. Будто живой. Я его подобрала.

— Сам катился? — недоверчиво переспросил он.

Я кивнула, проклиная собственные уши. Как назло, они опять нервно дернулись, выдавая на ходу состряпанное вранье. Но после увиденного я бы ни за что не сдала остальные шарики.

— Понятно. Тогда свободна.

Я запрятала подальше гнев и разочарование. Даже зелья мне больше не хотелось от Филимона. Наоборот, после встречи было желание получше вымыть руки, а лучше помыться полностью, и навсегда забыть дорогу к этому сараю.

Я вышла из него на дрожащих ногах и с облегчением вдохнула свежий воздух, напитанный ароматами подступающего к берегу реки леса.

— Обыскать каждый куст вокруг. Оно не могло уйти далеко, — слышался голос Филимона.

— А эта?

Я почему-то подумала, что речь про меня. И не ошиблась.

— А эта пусть пока. Никуда не денется, лисичка.

Я поджала губы и поспешила отойти от места встречи с нанимателями. Следовало срочно придумать, как действовать дальше. Фил наверняка собирался использовать меня, чтобы найти остальные ядрышки. А я собиралась защитить их, раз уж так глупо погубила одно из них. Так и не разобравшись, что это такое.

Но оно было прекрасно, а Фил без раздумий убил его. Теперь я не сомневалась, что писк мне не слышался, и шарик был живой. Или живым был тот, кто сидел в шарике? А значит, это было яйцо. Яйцо, росшее на дереве с десятком таких же шариков!

Я не рискнула идти в лес тотчас, хотя внутри все зудело от нетерпения. Сама себя не понимала. Я прожила в этом мире полгода в образе лисы переростка. Но так и не смогла принять новую себя, не смогла полюбить этот мир и смириться, что теперь мое место здесь.

Наоборот, хотела вернуться в родной мир и хотела снова стать человеком. Пусть я почти ничего не помнила о прошлой жизни, только обрывки воспоминаний. Но знала, что жилось там неплохо, а переезд в новый мир в мои планы не входил — это раздражало больше всего. Невозможность управлять своей жизнью, будто я пешка какая-то, по прихоти неведомого игрока сменившая мир, облик и всю жизнь. Меня это не устраивало.

Да и пришлось мне здесь несладко. Меня не встретил принц на белом коне и не спас от горестей и бед. Например, от любителей бросаться камнями, от которых я особенно страдала в первые дни, пока не обвыклась.

Но Филимон своим поступком словно стронул что-то в душе. И мне стало не все равно.

Я прошла вдоль берега реки, облюбовала большой камень и села на него, жуя травинку.

Справа росли камыши, а слева — старая ива. Великая река неустанно катила воды на север, надежно разделяя западный и восточный берега. Река была очень широкая. Лишь в ясный день получалось разглядеть противоположный берег, а сегодня было пасмурно.

Я призадумалась, затылком ощущая слезку и как никогда сожалея, что, вообще, связалась с Филимоном и его компанией.

Пообщавшись эту неделю с ловчими, я лучше поняла, как устроен мир Двух берегов. И люди не выступали в нем в роли добродетелей. Они стремились исправить его по своему разумению и для этого уничтожали исконных обитателей. Например, отлавливали мурласов и спаивали зелье обращения. Напиток оказался вовсе не безобидный, он калечил мурласов, не только забирая лисьи атрибуты типа хвоста, но и обрубая невидимую связь с лесом. Счастья им это не прибавляло, как и уважения в обществе людей. Никто их здесь не принимал с распростертыми объятиями и не братался. Нет, они становились изгоями, низшей кастой, которой больше не было места в лесу, а в городах их ждала помойка или рудники.

Несмотря на это до сего момента я не отказалась до конца от идеи испить напиток, хоть уже и сильно сомневалась, стоит ли это делать. Я-то не урожденная лиса. Для меня нет ценности в текущей видовой принадлежности, а городской комфорт мне милее лесной свежести. И в этом мире я задерживаться не собиралась, просто еще не нашла способ вернуться домой. Поэтому зелье казалось мне наиболее гуманным способом избавиться от хвоста, чем любые другие.

Но теперь об этом способе следовало забыть. По крайней мере, не с помощью Филимона. Я пока не знала другой бригады по отлову, но если есть эта, то найдется и другая. А там я планировала разобраться и с причиной, закинувшей меня в этот мир.

Но пока я не могла достичь ничего из желаемого, мне оставалось только оставить с носом Филя и его дружков. После двух выполненных поручений я так и не получила обещанную награду и теперь не хотела продолжать иметь дело с мерзавцами.

Первым было несложное задание — найти единственный лисий город в лесу — Друм-дорг. Сами ловчие знали, где он находится, и меня просто проверяли. Я нашла его очень красивым, но почти пустым. Наверное, поэтому мурласы и не поймали меня на подступах: либо они все куда-то ушли, либо их там почти не осталось.

Вторым делом был поиск заветного шарика. Филимон назвал его бусиной и сказал, что иногда они появляются в лесу, и что я ни за что не ошибусь, когда увижу его. Он только не сказал, что этот шарик будет расти на дереве в компании собратьев, что это дерево окажется величиной с небольшой куст смородины, и что оно не будет, как все приличные деревья, неподвижно торчать из земли, а будет передвигаться при помощи своих корней, словно это несколько тонких ног.

Дерево оказалось весьма боязливо и даже застенчиво, если так можно сказать о дереве. Оно передвигалось короткими перебежками, пряталось в тени своих больших собратьев, а когда мы встретились, долго выглядывало из-за толстого ствола вяза, будто изучая меня.

Оно так и не решилось подойти, а я была в таком ступоре от увиденного, что далеко не сразу смогла подобрать челюсть с земли. В итоге деревце скрылось, проявив все чудеса логики и разума, столь неприсущие растениям. И мне заодно, ведь только потеряв из виду ходячее дерево, я поняла, что это оно и было, то самое, ради чего Фил послал меня в лес.

Я прошла на то место, где в последний раз видела чудесное деревце, и заметила среди корней яркий шарик, один из тех, что росли среди маленьких ветвей.

Случайно ли он упал или намеренно, я не знала. И подобрала находку, чтобы затем так бездарно отдать ловчему.

Наконец, я встала с облюбованного камня. Душа требовала действий! Если не отмщения безвинно убиенного зернышка, то хотя бы спасения его собратьев.

Я прошла в лес, больше не чуя слезки. Это, впрочем, ничего не гарантировало. Может, молодчикам Филя и надоело меня пасти, в ожидании, когда я закончу самокопаться, а может, они следили издали, как-то скрылись. В этом мире, как я теперь была уверена, возможно все! Глава 1

Глава 2

Однако, проблуждав в чащобе чуть ли не до темноты, я так никого и не нашла. Ни дерева, ни шпионов, меня выслеживающих. Только репейника нацепляла на свой красивый хвост: решила, что в лесу стыдиться некого, и выпустила узника наружу. Какое же это было облегчение!

К вечеру от досады на собственное невезение я плюнула, запихала хвостяру обратно и повернула в сторону города.

Затем нашла в переплетении улиц свой постоянный двор и, понуро поднимаясь на второй этаж, размышляла, а не покинуть ли этот замшелый городишко, а заодно и компанию ловчих с Филом во главе, этой же ночью и не попрощавшись?

Деревце я так и не нашла. Оно либо ушло настолько далеко, что стало недосыгаемо для недругов, либо спряталось. Либо поймано и уже растворено в кислоте, но об этом думать не хотелось. Как-то же оно выживало до встречи со мной? Возможно, ему и не нужна моя помощь?

Я открыла дверь комнаты ключом и обомлела! Там в темноте, позванивая яркими шариками, словно бубенцами, меня ждало то самое деревце!

Проглотив парочку нехороших слов, я заскочила в номер и захлопнула дверь. Потом повернула ключ в замке и еще задвинула засов.

Я стояла около двери, грудь моя часто вздымалась от волнения, а в голове, перекрикивая друг друга, требовали ответа два вопроса. Первый был: как? А второй: зачем? Или, точнее: ну почему я?

На первый вопрос ответ нашелся быстро. Я оставила открытой форточку перед уходом. Она была маленькая, пролезть в нее могла разве что кошка. Ну, или вот волшебное дерево.

А с ответом на второй вопрос все было глухо, как в погребу. Зачем оно явилось ко мне, с какого перепугу? И что мне теперь делать? В городе у этого чудесного растения не оставалось шансов на спасение.

Я помотала головой, прогоняя наваждение, в котором молодчики Филадельфия, улюлюкая и зубоскаля, нагоняли меня, удирающую от них с деревом в руках по лесным буеракам.

Ладно! Я выдохнула и прошла вглубь комнаты, опасаясь, впрочем, близко подходить к незваной гостье. Или гостю? Кто их разберет, этих запрыгивающих в окна представителей сумасшедшей флоры мира Двух берегов.

В моем жилище обустроено все было довольно просто. Кровать, стол, унылое подобие шкафа, который больше был комодом. На нем стоял кувшин с водой и в беспорядке валялись всякие мелочи. В дальнем конце комнаты окно, зашторенное плохонькими занавесочками.

— Привет, — тихонько попыталась наладить контакт я.

Деревце молчало. Лишь подрагивало листиками и что-то жалобно звенело. Я подошла к кровати и села. Дерево словно взглядом провожало каждое мое движение, хотя глаз я у него не видела. Я досадливо крикнула, не зная, как себя вести дальше и что делать.

И принялась украдкой разглядывать гостью. Что-то мне подсказывало, что это все-таки девочка.

У нее был изящный ствол с аккуратной корой и довольно пышная крона с миниатюрными изумрудными листиками. Листики формой походили на березовые, а в их гуще, словно бубенчики, покачивались те самые шарики.

— Ты что-то хочешь? — спросила я, решив зайти с другой стороны, но тут же прикусила язык.

А вдруг деревце хочет то ядрышко, что Фил сегодня растворил в кислоте?

Я так нервно вскочила с кровати, что дерево дернулось от неожиданности и будто бы немного сжалось. А я одним шагом подошла к комоду и налила в стакан воды из кувшина. В горле внезапно пересохло.

Но стоило мне сделать это, как деревце впервые отважилось приблизиться. Его руки, то есть ветви, потянулись ко мне, словно в просительном жесте.

— Ты хочешь воды? — догадалась я и почувствовала облегчение, что могу исполнить просьбу этого странного существа.

Я протянула стакан дереву, но то только задрожало в ответ, так и не сделав ни глотка. Я подумала, а как оно будет пить? Рта нет. Только корнями, как и все нормальные деревья.

Тогда в ход пошел таз для умывания, куда я выплеснула остатки воды. Когда таз оказался на полу, деревце юркнуло в него и затихло, словно заснуло.

Бедняге приходилось нелегко. Оно не могло стоять на месте, как другие деревья. А значит, получать питание и влагу тоже не могло. При этом оно много двигалось, как я подозревала, убегая от ловчих бригад.

И почему-то прибежало ко мне. Учитывая нашу недавнюю встречу в лесу, я была уверена, что это неслучайно. Кто-то ищет это лесное чудо, например, Фил, а найти не может. А к кому-то — ко мне — оно само в руки дается. Это было явно не совпадение. Кстати, еще одно за прошедшую неделю.

Я поглядела на воду в тазу. Ее стало вполовину меньше.

Затем нервно прошлась по комнате, в поисках решения, как же быть дальше. Решения здесь не нашлось, зато обнаружились странные трещины на полу. Они были очень тонкие, а рисунком напоминали пучок извилистых молний. Или корней.

Я подозрительно покосилась на гостью. Раньше этих следов здесь не было — это точно. А начинались они от окна.

Я подошла к окну и слегка отодвинула занавеску. А затем высунулась из форточки, насколько это возможно, и присвистнула от удивления. Снаружи давно стемнело, в окнах соседних домов горел свет, и слышались пьяные песни какой-то припозднившийся компании. Светила невероятно яркая, огромная луна этого мира, в свете которой получилось разглядеть похожие трещинки и на наружной стене постоянного двора.

Я закусила губу, чувствуя, как внутри в холодный узел сворачиваются от страха кишки. Придет утро, до него осталось всего несколько часов, и всем желающим станут очевидны эти следы. И те, кому надо, без труда опознают в них следы волшебного дерева, которое так ходило по земле, по стенам, возможно, по камням. Это был единственный способ пробраться в мою комнату, и деревце сделало это, загнав тем самым в ловушку и себя, и меня.

Как оно узнало, где я живу? И почему пришло ко мне?

Вопросы снова запрыгали в голове, словно бешеные зайцы, объевшиеся лебеды в полнолуние. Я чуть не отгрызла себе коготь от вдруг ставшей такой реальной перспективы вправду убежать по лесным буеракам от ловчих в компании с чудо-деревом. Но следы на стене не оставляли мне выбора.

Я, кстати, так и решила звать его — Чудо.

Чудо тем временем выпило всю воду из тастика и, кажется, немного повеселело. Выпрыгнуло на пол и зазвенело бубенчиками, покачивающимися в кроне.

— Эх, умело бы ты говорить, Чудо ты мое, — вздохнула я и приняла окончательное решение.

Утро мы с Чудом встретили в лесу. В сыром, темном и весьма прохладном лесу. Я на себя сердилась, что вляпалась в какое-то темное дело, в котором толком ничего не понимала. Хотя вляпалась я в него явно не сегодня, а с неделю назад.

Я злилась, но несла деревце в руках, чтобы оно не оставляло своих легкоузнаваемых следов. Еще мне было страшно, одиноко и тоскливо. Я не знала, куда иду и зачем, и что меня ждет впереди, и даже через час. Вокруг веселья не добавляли туман и холодный, тусклый свет очень раннего утра.

Да, и еще я мерзла. Мне было холодно, сырость проникала повсюду, лизала мне шею и прохаживалась между лопаток. А ветер довершал начатое ею темное дело, и в итоге я так стучала зубами, что впору в бобры записываться, а не в лисы-переростки.

Ну что я за лиса такая? Где моя хитрость, изворотливость, теплый мех, наконец? Не давала покоя мысль о разведении огня, о возможности обогреться около него, сжать зубы и перестать трястись как припадочная. Но я хорошо понимала, что костром быстро и надежно положу конец этой аванюре, толком не успевшей даже начаться.

Ну не искатель я приключений! И шнырять по промозглому лесу, поджав хвост, мне было не по себе! И от хвоста тоже было как никогда не по себе.

И я продолжала шагать, удаляясь от Долгого лога каждую минуту. Я шла налегке. Не успела скопить кучу скарба, так что и бросать особенно ничего не пришлось. Просто я там немного привыкла и даже подружилась с хозяйкой трактира — Мартой.

Марте пришлось соврать, что я скоро вернусь, буквально через сутки. И в подтверждение своих слов я внесла плату за комнату вперед еще на неделю. На этой мысли мои уши начинали неистовствовать, а зубы — недовольно сжиматься. Расставаться с кровными денежками в мои планы изначально не входило. Но это был способ сбить погоню со следа, внушить им, что я точно вернусь, и этим обеспечить себе небольшую фору.

Куда я шла? Плана пока не получилось придумать, но я знала, что в этом странном мире была река. Очень длинная и широкая, на этом берегу которой находилось множество паршивых, мелких и насквозь провонявших речной тиной городишек. За почти шесть месяцев я успела убедиться в этом, и у меня не было ни одного повода считать, что вот именно сейчас городишки возьмут и закончатся впереди.

Нет, я верила, что через пару тройку дней впереди появится новый городок, как две капли воды похожий на предыдущий. С такими же постройками и нравами у населения.

Но мне все равно будет нечего там делать. Не с волшебным деревом на руках и не с погоней на хвосте. Меня вычислят в два счета и что потом, я пока не решила, но точно знала, что ничего хорошего. Может, гигантский котел с кислотой? Или тюрьма, или удавка с камнем на шее на дне реки?

Подумав об этом, я резко остановилась и посмотрела направо, в глубину леса. Я еще не хотела верить в принятое решение, еще искала другие варианты и возможный выход, кроме как рискнуть и пойти в чащу, доверившись судьбе.

В этот момент лес буквально пригнулся и вздрогнул. У меня поднялась шерсть дыбом, и зубы заныли от прокатившегося, словно порыв ветра, звука со стороны реки. А точнее, с противоположного берега и не звука, а низкого гула с рокочущими нотками, со взрыкивающим эхом, от которого задрожали не только листья на деревьях и мой хвост, но и сама земля. Этот гул накатывал волнами, словно морской прибой, и каждая волна клонила книзу ветки деревьев. Я неосознанно пригибалась в попытке спрятаться, стать незаметной, защититься. Чудо и вовсе вцепилось в меня гибкими веточками, будто обезумевший от страха котенок — коготками. Его ядрышки жалобно зазвенели, взывая к самой моей сути. «Беги! Беги!» — будто умоляли они. Этот писклявый звон вынимал душу и сливался с рокотом в совершенно невыносимый диссонанс.

Земля дрожала, шарики пищали, рокот пригибал к земле ветки деревьев и срывал с них листья. Мой хвост дрожал, а душа ушла в пятки.

«Беги!» — звенело в ушах. И я побежала. Побежала не просто так, а строго от идущего со стороны реки рокота. То есть напрямиком в гущу леса, куда изначально не собиралась соваться.

Хоть я и принадлежала в этом мире к породе ушастых и хвостатых, но душой осталась городской штучкой. И густые, темные дебри меня пугали.

Но бежала я без оглядки и довольно долго. Пока деревья не поглотили устрашающий звук, или же он не иссяк самостоятельно. После этого я бежала еще некоторое время. Может, по инерции, а может, для верности, но остановилась я не сразу. А когда осмотрелась, окружала меня густая чаща.

Куда идти дальше я не представляла. Опомнилась, что лес очень большой. Живя на окраинах человеческих поселков, я не раз смотрела в окно на зеленый густой покров, укрывающий землю до горизонта. Вспомнила, что знала только один лисий город — Друмдорг, но найти его отсюда для меня не представлялось возможным. В общем, я поняла, что сильно сглупила и переоценила свои возможности. Или везение.

Я могла постараться пройти назад по следу из сломанных веточек и оборванных листьев. Но этот след однозначно поведет за собой ловчих. Я боялась выйти к реке и аккуратно столкнуться с преследователями. Топать дальше по зарослям я не видела смысла. Это был путь в никуда или на съедение диким зверям.

По странному стечению обстоятельств меня окружали одни тупики, хотя путь ничто не преграждало в любую сторону. И кажется, в этом была вся я.

Наконец, я решила двинуться наискосок на север к реке, ведь примерное направление знала. Стоило развернуться в нужную сторону, как мое чудо-дерево спрыгнуло с рук и, что-то бодренько звеня бубенчиками, направилось именно туда, куда я идти не собиралась. В дебри.

Я прикусила губу, не зная, как бы тонко намекнуть этому беспокойному растению, что я туда не пойду. Не хочу, боюсь и, вообще, делать мне там нечего.

— Кхе-кхе, — глубокомысленно сказала я, размышляя, а не к лучшему ли это все. Ведь может же быть такое, что именно здесь наши пути разойдутся?

К слову, Чудо взбодрилось, воспрянуло духом и явно чувствовало себя в своей тарелке. То есть в своем лесу. Почему ему не сиделось в том лесу, где мы впервые встретились, я не знала. Что ж, возможно, в этом и заключалась моя миссия? Отнести деревце туда, где ему безопаснее?

Мне стало грустно. И захотелось плюнуть от досады. Ведь я дожила, что стала скучать по этому странному дереву, источнику бед и несчастий. Но была и ложечка меда. Кажется, теперь я могла вернуться в Долгий лог, забрать задаток у хозяйки трактира и съехать из него к чертовой матери, чтобы отправиться на все четыре стороны!

Хотя нет. В этом странном мире было открыто всего два пути: вверх и вниз по реке. А остальные два — это дремучий лес, да далекий берег, с которого прилетали вот такие жуткие звуки, как сегодня. Я их слышала прежде, но предпочитала скорее забыть, даже не догадываясь об их источнике.

Стоило мне все это подумать и спланировать, как Чудо очнулось и бросилось следом за мной. Рано я все-таки обрадовалась!

— Динь-дилинь-дзинь-дзинь! — возмущенно звенело дерево, всеми своими веточками показывая, в какую сторону мне надо идти.

А также всем обликом выражая негодование моему повороту обратно.

— Ладно, ладно! — я подняла руки в жесте примирения. — Но что я там буду делать?

Я бы еще подискутировала, стоя в лесной чащобе, благо час был уже не такой ранний, туманный и холодный. Солнечные лучи согрели воздух и раскрасили лес в теплые желто-зеленые тона. Сделали этот мир прекраснее и намного приятнее, одним словом. Даже погоня на хвосте не казалась теперь такой проблемой.

В этот момент из чащи что-то послышалось, и я насторожилась. Я бы ничего не заметила, будь, как прежде, человеком. Но мои уши-локаторы уже встали торчком и развернулись в сторону зарослей.

И это было тем страшнее, ведь со стороны реки могли прийти ловчие, а со стороны леса — кто угодно.

Я умолкла на полуслове. А пока пыталась сообразить удрать в одиночку или вместе с деревом, которое, похоже, стремилось как раз на звук, из дебрей вышел он. Нет, ОН. Тот самый лис, о единственной встрече с которым я старалась не вспоминать последние два месяца.

Лис ничуть не изменился с тех пор, как дикая ночь любви кинула нас в объятия друг друга. Он был таким же потертым, с легкой щетиной, хмурым. А еще высоким, мускулистым и худощавым. Носил длинные рыже-каштановые волосы, примерно как все из его племени, холщовые коричневые штаны, темную, непонятного цвета, не то коричневую, не то густо-зеленую рубашку, кожаную куртку, сшитую на лесной манер, и мягкую обувь — для бесшумного передвижения по лесу. Сзади живописно выглядывал его немного бывалый хвост, и еще более живописными были его удивленные зеленые глаза при взгляде на меня.

Глаза у него были очень красивые. Прям густая лесная зелень, зелень с синевой.

— Великая сеть! Ты? — воскликнул он вместо приветствия, нахмурился еще сильнее и сложил руки на груди.

Я слотнула сухим горлом. Слюни во рту моментально куда-то испарились, лишая возможности внятно ответить. Мне осталось только кивнуть, подтверждая очевидный факт. Кивала я, не отрывая взгляда от его напряженного лица.

«Куда деваться-я?» — неслась одна-единственная, бесконечная, словно закольцованная, и донельзя заунывная мысль в голове.

Больше всего в этом типе пугала моя реакция на него. Эта реакция случилась однажды, когда луна за окном сделалась невероятно огромная. Она буквально заглядывала в окно и нашептывала что-то дикое и бесстыжее, горяча кровь и подбивая на безумные поступки. Тогда-то мы с ним и встретились. И покуролесили знатно, что до сих пор стыдно было вспомнить.

Деревья за спиной лиса ожили. И сбоку, и сзади меня. Это нас окружили товарищи пришельца, такие же лесные жители, как и он. Путь назад был отрезан. Я слотнула, совершенно не представляя, в какую передрыгу угодила и как из нее выпутываться.

Внезапно в наше напряженное разглядывание друг друга вмешалось Чудо. Оно, беспокойно звеня бубенцами, пробежало между нами по странной, диагональной траектории. Бежало оно от меня в сторону лиса и размахивало ветками, как суетливая мамаша, чьи дети были готовы вот-вот начистить друг другу морды.

Я бы ему точно начистила. Если бы могла. Он, судя по недобрым взглядам, тоже был не прочь со мной разобраться.

Деревце приблизилось к лису и что-то тихонько зазвенело. А он присел на корточки и склонился, будто слушал. Будто понимал это тонкое, переливчатое стрекотание. Будто дерево могло говорить.

Но ведь оно могло ходить. Оно постоянно что-то требовало, а значит, мыслило. Почему бы ему и говорить не уметь? Просто я не знала его языка, а догадаться раньше, что слушаю связную речь, не хватило воображения. Что с меня взять, я же из другого мира. Там деревья не разговаривают и права голоса не имеют.

Чудо между тем ловко взобралось лису на руки и удобно устроилось у него на плече. Лис даже вроде подобрел от этого, успокоился и на вид перестал быть таким ершистым. Я прикрыла веки в надежде, что, занятый деревцем, он уйдет, позабыв про меня.

Как бы не так.

— Ты пойдешь с нами, — сказал он не слишком враждебно, но и не ласково.

— Рол, зачем? Она же приведет к нам ловчих!

— Наоборот! — послышалось сбоку. — Привязать к дереву, чтоб не увязалась ненароком!

Последовала еще пара подобных предложений, и я присвистнула про себя. Вот это да! С чего меня так невзлюбил лесной народ? Даже не знала, что столь нелюбима ими.

Я ведь чужачка

На вид такая же, как и они. Лиса. А якшаюсь с ловчими. Значит, они приняли меня за кого-то вроде перебежчицы. Но я-то никого не предавала

— Послушайте, отпустите меня! Я не та, за кого вы меня принимаете. Не та, кем кажусь. Обещаю, что никого не приведу к вам!

Я подняла руки в жесте умиротворения и с надеждой вглядывалась в лица мужчин. Но, кажется, услышало меня только Чудо. Оно грустно всплеснуло веточками, а вот лис снова зло зыркнул и произнес:

— Ну давай, удиви меня. Кто же ты?

— Я из другого мира. Человек, а не лиса. Была человеком! Пока не попала сюда.

Он в ступоре примолк. Потом тряхнул головой, будто что-то в глаз попало. Видимо, решал, не ослышался ли, и как реагировать на эти бредни. Хмыкнул и посмотрел с сомнением. Будто у него имелись какие-то основания допустить, что я говорю правду. Будто это что-то объясняло для него.

Зато его товарищи были не склонны долго анализировать:

— Вот шельма, выдумала, а! — слышалось отовсюду.

— Повесить ее вниз головой, пусть повисит на потеху своим дружкам-ловчим! А еще лучше за хвост подвесить!

Даже мне — человеку в лисьей шкуре, стало не по себе от этого предложения. Видно подвешивание за хвост в их среде, было не только весьма болезненным, но и позорным наказанием, жаловали которым только самых отпетых мерзавцев и мерзавок.

Были и другие, еще менее дружелюбные предложения, но взгляд того самого лиса оставался тих, темен и задумчив. Он словно взвешивал каждое мое слово и соотносил с тем, что знал только он. И он точно знал что-то такое, потому что намерений своих товарищей не разделял.

— Я Роланд.

Лис кивнул мне, предлагая назваться.

— Алиса.

— Ты пойдешь с нами, Алиса.

Он повернулся и зашагал в чащу, а я всплеснула руками и в отчаянии воскликнула:

— Но, зачем?

Вопрос остался без ответа, и мне пришлось побыстрее последовать за Роландом, чтобы держаться подальше от его ретивых спутников.

Роланд так и не удосужился ответить, но неожиданно его авторитет стал для меня чем-то вроде щита. Когда я шла поближе к Ролу, я меньше слышала и чувствовала негатива в свою сторону. А значит, идти было спокойнее. Хотя это нисколько не проливалось свет на мое будущее и не могло погасить беспокойства, с каждой минутой разгорающегося в душе. Ведь чего-чего, а попадать в лапы к мурласам, а тем более к тому, с которым у нас произошел весьма пикантный эпизод, у меня в планах точно не было. Да я бы лучше на тот берег реки переплыла!

Мы шли где-то часа два, когда к Роланду обратился другой лис. Он открыто сказал, что мне следует завязать глаза. Товарищи доверяли Ролу, а Чудо, что сидело на его плече, словно добавляло ему веса и возвышало в глазах остальных. Но даже это не могло заставить лесной народ хоть немного довериться мне.

Я закатила глаза. Я была настолько городской штучкой, что давно потеряла направление, и могла сказать только одно: мы идем не к реке. Все. При всем желании я бы никого не привела сюда, потому что заблудилась бы и умерла от голода по пути назад.

Но объяснить это лесным жителям не представлялось возможным, они мыслили совершенно иными категориями и, наверное, рождались с неким органом, заменяющим компас всем нормальным людям. А еще я смертельно устала, так как на ногах провела не меньше четырех-пяти часов хода по лесной чаще.

Поэтому я молчала, сожалея, что нечем подчеркнуть свое мнимое равнодушие происходящему. Я была практически пленницей, предложение завязать глаза мне прав не добавляло. Я не удивилась, когда Роланд согласился. И даже это предательское дерево, из-за которого я здесь оказалась, не стало протестующе звенеть.

Лис, что внес предложение, подошел ко мне и завязал глаза платком, который снял с шеи. Пах этот платочек жутковато. Зверем, что живет в лесу и никогда не моется. Впрочем, так оно и было.

Я сморщилась, а лис предупредил:

— Дай только повод, я тебе и руки свяжу.

Я прикусила язык, обиженно запыхтела и мстительно начала спотыкаться на каждом шагу, невзирая даже на то, что теперь меня вели за руку. Просто никто не собирался сбавлять темп. Тогда вредный мурлас чертыхнулся и забросил меня на плечо, будто бревно. По голосу я поняла, что это Роланд, который почему-то не доверил меня одному из соплеменников, а предпочел возиться сам.

— Отпусти, поставь на землю сейчас же! — завопила я.

— Вставлю кляп, если не уймешься! — пригрозил он.

— Из собственных носков! — предложила какая-то добрая душа и заржала, будто она конь, а не лиса.

Я примолкла, роняя слезы обиды. За что они так со мной, я ведь ничего не сделала.

Но пришлось мириться с участью бесправного куля, благо длилось это недолго. Через полчаса меня уже спустили на землю и привалили к дереву. Лис развязал мне глаза и тем же платком связал руки, приказав сидеть на месте и не рыпаться. А затем Роланд глянул мне в глаза и удивленно присвистнул:

— Что это за цвет у тебя такой? Серый, что ли?

Я пялилась на него, не желая разговаривать после всего, что было. Да и подтверждать очевидный факт было неохота. Ну, серый и что? Самый обычный цвет глаз на Земле, ничем не примечательный и не выдающийся.

— У мурласов не бывает серых глаз. Откуда ты взялась такая?

— Я сказала уже, откуда взялась! — огрызнулась я, а лис только хмыкнул и отошел.

Я осталась одна, вся группа разбрелась, кто куда, и не было видно ни Роланда, ни Чуда.

Я устало прикрыла веки. Хотелось пить.

Близился полдень, под лесным шатром стало душно, а воды у меня во рту не было с утра, поскольку при встрече лисы отобрали мою сумку.

Чтобы отвлечься, я стала осматриваться. И приоткрыла рот от удивления. Вокруг раскинулся настоящий лесной город, только дома располагались не на деревьях, как в Друмдорге, а в гигантских грибах. В их толстых ножках были вырезаны двери и окна в два и в три этажа. Шляпки иных грибов достигали десяти, а то и пятнадцати метров в диаметре. Грибы были бледные — зеленоватые и голубоватые, и мне казалось, что они должны светиться в темноте.

Надо же, целый грибной город в лесу, а ловчие уверяли меня, что Друмдорг — единственный город у лис. Похоже, они заблуждались, и теперь стало понятно желание мурласов сохранить свой секрет. А это означало, что меня отсюда не выпустят, ни живую, ни мертвую.

Я прикусила губу и беспокойно заозиралась. Надо срочно удирать отсюда, пока все разбрелись по своим домам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.